

Шабанов
Олег

6.07.2001
ПЕРСОНА

Не продается вдохновенные, но...

Диалог с художественным руководителем МХАТ имени Чехова Олегом Табаковым у театральной кассы

Рос. газета. - 2001. -
6 февр. - с. 3

"Запиши меня в клуб друзей МХАТа", — попросила подруга. "А у тебя есть тысяча — другая доллар?" — поинтересовалась я. Нынешним театрам требуются люди любящие, но еще и сильно имущие. Потому что только имущие могут театру помочь в его весьма дорогостоящем деле. Наверное, поэтому наш разговор с Олегом Павловичем Табаковым — народным артистом СССР и художественным руководителем МХАТа шел не об искусстве, а о прозаических финансах.

— Так зачем великому Табакову и не менее великому МХАТу нужен клуб друзей театра?

— Наша социально-экономическая жизнь становится все серьезнее. Мы будем жить, продолжая имперские традиции, традиции отцов-основателей МХАТа. Великая княгиня Елизавета Федоровна, Морозовы, Мамонтовы, Стаховичи, Тарасовы, помогали театру. Сегодня нашлись люди, которые, как это ни странно, тоже добровольно взялись помогать жить и работать Московскому художественному театру.

— А почему такое бескорыстие снизошло на них? С чего это вдруг?

— А Господь его ведаёт! Но я думаю, дело не только в случайности, щемлящая эмоциональная память, наверное, заставляет состоятельных людей идти навстречу театральному искусству. Во всяком случае меня всякий раз дрожь пробегает, когда вспоминаю увиденный в юности спектакль Владимира Ивановича Немировича-Данченко "Три сестры". Полагаю, что те, кто решил основать клуб друзей МХАТа, так или иначе "ударены" теми радостями, которые испытывали (наверное, каждый по-своему) от посещения спектаклей.

— Олег Павлович, я в последнее время очень много общаюсь с провинциальными театрами. У них нет клубов друзей, они сами зарабатывают деньги как могут. Проекты совершенно различные, но в меньшей степени рассчитанные на щедрость меценатов. Российские театры ищут свои экономические модели для того, чтобы зарабатывать деньги. В свое время Москва дала МХАТу прилегающую к зданию территорию для того, чтобы он тоже мог зарабатывать деньги и жить безбедно.

— Как было дело? На одной из встреч с мэром Москвы Юрием Михайловичем Лужковым я вы сказал ему одну, по тем временам, наверное, абсурдную идею: предложил дать театру что-то на "прокорм". Он дал. Правда, некоторые театры излишне увлеклись, и сегодня уже трудно вполне адекватно понять, что же составляет главную деятельность, скажем, в театре имени Станиславского. Я не хочу ничего плохого сказать о его спектаклях, но тот самый ресторан "У Станиславского" заставляет кое о чем задуматься.

— Но разве у МХАТа не было своего ресторана, разве он не строил каких-то моделей, позволяющих ему тоже построить свою систему "прокорма"?

— Если вы так радикально ставите вопрос, то я постараюсь радикально вам и ответить. К сожалению, будучи тяжело больным человеком, Олег Николаевич Ефремов уступил права на собственность, которая была дана Ю.М. Лужковым Художественному театру, некой странной (могу добавить, частной) организации. Перманентно ее возглавлял сын покойного народного артиста СССР М. Прудкина Владимир Маркович Прудкин, ныне, по-моему, одну из "контр" возглавляет сын покойного О. Ефремова Михаил Олегович Ефремов. То есть это организации, которые претендуют (в результате этого прецедента или, точнее сказать, беды, которая случилась) на владение деньгами, которые получены на самом деле на прокорм театра, но в театр не попадают. Они предназначались на создание репертуара, на материальное стимулирование деятельности МХАТа, а используются для обогащения группы лиц. Не хочу этот факт никак характеризовать, окрашивать. Полагаю, что юрисдикция Российской Федерации в конечном итоге все же разберется с этой проблемой. Мне кажется, было бы справедливым, что бы принадлежавшее МХАТу было ему возвращено. Я — человек экономически независимый, никогда бизнесом не занимался, и пока буду здесь, как говорили в нашем дворе, "ошиваться", ни один рубль не будет использован недолжным образом. Что же касается наших российских коллег, которые работают в провинции, то, как только маленько обустроимся, думаю, нам, мхатовцам, достанет честлюбия и энергии подумать о том, как им помочь.

— Олег Павлович, в вашу программу обслуживания, несомненно, войдет и регулирование отношений с шестеркой актеров МХАТа, которые были уволены и восстановлены по суду вопреки вашему желанию. Что будете делать?

— Пока платить им зарплату.

— Вы надеетесь, что они уйдут сами?

— Нет, сами они не уйдут. Я — человек беспоконный, но какое-то время подожду, надеюсь на то, что какие-то процессы свершатся сами. Ведь эти актеры конфликтовали с "коррумпированным руководством" — вершущей МХАТа, а я — человек новый, еще не успел коррумпироваться.

— Но ведь нет закона о театре, по которому вы могли бы их уволить, что вы собираетесь делать?

— Я собираюсь пойти к Президенту РФ В. Путину. У меня подго-

товлена записка, в которой я предлагаю нескольким театрам (МХАТу, Большому и Малому театрам, а может быть, Большому драматическому в Питере) дать чрезвычайное право контрактации. То есть я предлагаю ему пойти на некий подзаконный акт для того, чтобы начать апробировать эту систему.

— Вам кажется это архинедобрым?

— А как же! Это ведь абсурд: мы, к сожалению, поощряем людей, творящих по сути дела беззаконие.

— Олег Николаевич Ефремов мечтал о том, чтобы всех артистов перевести на контракт, оставив небольшое ядро основной труппы. Вы разделяете такие взгляды?

— Разделяю и все это сделаю: труппа станет трехступенной. Это идея даже не Ефремова, а Комеди Франсез. У нас тоже будут соседи — члены труппы и сменная группа — контрактники: жесткое ядро и группа актеров, которые подлежат ротации как в одну, так и

благодаря взносу клуба друзей МХАТа начнет действовать система так называемого материального стимулирования и актеры будут получать хорошие деньги. Надо иметь право с них спрашивать, а это возможно только в том случае, если достойно оплачивать их труд.

— Но ведь ваши актеры очень хорошо подрабатывают. Например, благодаря одному из них мы узнали, что время в компании с толстяком проходит незаметно.

— Саша Семчев — человек, несомненно, одаренный, но про пиво он рассказывает не от хорошей жизни. У меня есть возможность не рассказывать про пиво, а у него нет. Не всегда бывают такие радостные возможности, когда, скажем, Минкультуры РФ выдавало нам к концу истекшего года значительные суммы. Например, артист Гвоздицкий, наиболее часто выходявший на сцену, получил 100 тысяч рублей, а артист Чекмазов, работающий в театре четыре года, — 50 тысяч рублей. Люди получали деньги сообразно вкладу в свое дело, они так и будут получать дальше значительные суммы из бюджетных источников.

— А из внебюджетных?

— А из внебюджетных система оплаты будет более сложной. Мы будем учитывать значимость (которую сможем определить на наш

Это то замечательное оборудование, которое позволит отделить одну часть сцены от другой, погружать одну часть сцены в темноту, а другую оставлять в свете и так далее. Вот так помогают нам наши друзья.

— Помню, была в вашу бытность ректором мхатовской Школы-студии международные образовательная программа и вы как-то даже похвастались, что с заработанного заплатили 167 млн. рублей (в старом исчислении) одних налогов. Сейчас вы, уйдя с ректорского поста, отказались от такой возможности заработка?

— Отнюдь. В моих планах как раз значительное место занимают международные образовательные программы на базе МХАТа: его школы-студии и музея. Практически в этом году дипломный курс сможет совершить обмен с одной из (скажу пока осторожно) европейских театральных школ. Это очень важно, поверьте мне. Раньше, когда было немножко больше денег, больше разных президентских и министерских программ, мне удавалось все-таки год за годом вытаскивать ребят в мировое театральное пространство.

— Зачем вы это делали? Чтобы они пригладелись и остались там?

— Поверьте, это очень стимулирует развитие молодого человека. Да, кто-то останется, вернее, может остаться. Молодой режиссер Марин уезжал, стал известен за рубежом, но потом вернулся, ставил спектакли в "Табакерке", а теперь уже и во МХАТе. У нас в стране такой "мед творчества", что устоять перед ним невозможно, даже если тебя очень соблазняют остаться за рубежом, все равно ты выберешь Россию. Надо только поддержать это стремление материально, чтобы человек смог жить достойно, не хуже, чем на Западе, где множество фондов, которые в случае чего оказывают поддержку и весьма значительную.

— А наши фонды, российские?

— Фондов хватает, денег они собирают на благородные цели много, вопрос только в том, куда эти деньги потом деваются. Товарно-денежные отношения вовсе не отменяют этики. Я по глупости (или еще почему-то), став независимым человеком, приобрел потребность помогать другим, передавал деньги в Фонды помощи пострадавшим от землетрясения, афганцам и так далее. Но такое впечатление, что всегда даю деньги в никуда: ни информации, ни отчетов о том, как потрачены деньги. Ни-че-го! Поэтому я сторонник бесфондовой помощи напрямую.

— Например?

— Мы как-то выпивали со спонсором, и я сказал: "Помню, как мама приносила мне из своей поликлиники подарок. В окрашенном красным стрептоцидом марлевым мешке были два мандарина, орехи, еще что-то". Давай, — сказал я спонсору, — ты купишь, а я раздам новогод-

ние подарки всем работникам театра". Собрали в пластиковые сумки по бутылке водки, кофе, батону колбасы, пачке чая — словом, все то, что когда-то нам выдавали по праздникам в продуктовых заказах. Чувство, которое испытывали люди, получив эти подарки, не описать. Вообще все это оказалось очень сильно действующей акцией. Она не была никакой популистской, потому что всего 560 подарков были розданы всем без исключения, Табакову в том числе, все они дошли прямо до адресата. Из всех наших дел это было, может быть, самым ценным. Вам, вероятно, покажется это странным, уменьшающим высокие задачи МХАТ имени Чехова, но, поверьте, для нас это не менее важно.

— Немножко не по себе от того, как сильно люди искусства, и кажется вы тоже, уповаете на помощь фондов, меценатов и друзей театра. Ведь уже был случай в истории МХАТа, связанный с великим Станиславским. Помните, чем он закончился?

— Во-первых, позволю себе надеяться, что не буду испытывать судьбу столь длительно, как испытывал ее владелец золотоканитильной фабрики. Во-вторых, в обозримом будущем мне не кажется, что помощь меценатов, друзей и спонсоров очень плоха. Цыплят по осени считают, и я очень жду того момента, когда наконец пойму, что же мы можем заработать сами. Это для меня очень важно. В этом смысле руководителем золотоканитильного производства Константин Сергеевич Станиславский (хотя, может быть, даже не он сам, а скрей Владимир Иванович Немирович-Данченко) очень хорошо мозговал, учитывал интересы МХАТа, старался использовать все возможности. Великий Станиславский занимался зарабатыванием денег. Но это никак не уменьло его значения для русского театра.

— Меркантильность не грех?

— А кто вам сказал, что меркантильность — плохо? Мне ка-

жется, это понятие нужно воспринимать как рачительность. Тогда все встает на свои места.

— Но что ваша рачительность даст для друзей театра, которые не входят в клуб, но тоже любят МХАТ, хотя бы видеть его спектакли даже тогда, когда живут за границей?

— А вот это и даст: мы сможем ставить новые спектакли на деньги друзей богатых и показывать тем своим друзьям-зрителям, что живут в глубинке. Я думаю, клуб, его деятельность, облегчат этим людям, живущим далеко от Москвы, возможность попасть на спектакли МХАТа, дадут шанс приобрести к театральному искусству. Я приложу серьезные усилия, чтобы в этом "намоленном здании" (имею в виду уже МХАТ) было бы достаточно спектаклей, которые можно было бы предложить, которые бы заинтересовали живущих далеко от столицы.

— Но ведь вас и так принимают везде на "ура".

— Вот вы говорите — "принимают". Значит, можно везти все, что есть? Понимаете, это ведь очень ответственная вещь. Когда меня в очередной раз приглашают и говорят: "Ну, что вы, ведь у вас же есть что показать, у вас есть спектакли, приезжайте", я всегда говорю: "Зачем же ехать так далеко, чтобы показывать сделанное давно, давным-давно известное? Я убежден, сначала надо сделать что-то новое, потом уже предлагать. Я к своему зрителю, особенно с годами (мне идет 66-й год) отношусь все более ответственно.

— Вы ездите в Сургут, в другие города, где сегодня появляются собственные театральные студии — основа для будущих городских, а то и областных театров. Как вы к этому относитесь? Не собираетесь ли на базе МХАТа готовить такие молодые труппы для будущих театров в глубинке?

— Я человек прямой и скажу вам, что знаком с двумя курсами, которые обучают в Сургуте. Уровень подготовки и пестования, как мне кажется, оставляет желать лучшего. Мне кажется, по-другому это надо делать, если хочется иметь в городе хороший театр. Говорю об этом не потому, что не хочу, чтобы в этих городах были хорошие театры с хорошими актерами. Просто давайте делать все это по совести.

— А а вас опять верну к деньгам. Когда в городе нет театра, он должен приглашать столичные театры на гастроли. Но ведь, наверное, для вас гастроль дело убыточное?

— Это по какой схеме гастролировать. Скажем, схема, по которой мы поедем на гастроли в Новосибирск, следующая. Какая-то финансовая структура дает деньги, и тут есть два варианта. Первый вариант: финансовая структура города, где мы будем гастролировать, выплачивает гонорар за спектакли, советско-капиталистическая власть города берет на себя издержки по провозу декораций, по провозу труппы, проживанию актеров и питанию. При этом варианте у меня есть возможность назначить такие цены на билеты, чтобы люди из бюджетной сферы могли бы их покупать.

Второй вариант: ценообразование при тех же граничных условиях другое (это можно применять в тех регионах, где покупательная способность населения очевидно высока, во всяком случае выше среднероссийской, хотя бы выборочно) — цены на билеты высокие, но не всем по карману. В какой-то момент возможны убыточные поездки. Например, так было после землетрясения в Спитаке, когда наш маленький театр поехал туда на свои деньги. Но это было другое время и другой случай. Сейчас это вспоминается как прекрасное, но вряд ли возможно.

— Олег Павлович, вы говорите о финансовых схемах. Друзья МХАТа дают вам деньги. Почему бы этим, очень искусственным в бизнесе людям, не предназначить вам какие-то деньги, но не отдавать, а пускать в оборот, выгодно вложив их в что-то, а вам платить проценты, чтобы финансовые вливания были, во-первых, постоянными, во-вторых, не зависели от желания спонсоров, которые сегодня хотят давать деньги, а завтра почему-то не захотят этого делать. Не достойней ли был бы такой вариант?

— Больше оговоренно спонсоры дать не смогут, они сами могут вкладывать деньги в выгодные дела и получать доходы для себя. Я не то чтобы полемизировать с вами, просто думаю, что эта схема наших взаимоотношений на сегодняшний день правильная. Но вполне допускаю, что когда разбогатеет или когда на следующий срок спонсоры вдруг дадут все четыре транша для МХАТа сразу, мы сможем часть этих средств очень выгодно вложить в какое-то прибыльное дело.

— Ваша самая большая мечта?

— Увидеть в пьесе современного человека во всей его сложности. В той мере воспроизведения его сложности, какая удавалась и Антону Павловичу, и Алексею Максимовичу, и многим другим знаменитым драматургам. Мечта, которая, я верю, обязательно сбывается.

Вопросы задавала
Виктория МОЛОДЦОВА.

Олег Табаков: чести — много, а денег не хватает.

в другую сторону. У французов такая практика существует вот уже двести лет, и все нормально.

— Олег Павлович, а сколько денег нужно МХАТу, чтобы нормально жить, ставить новые спектакли?

— Поначалу мы предполагали, что постановка будет стоить 60 тысяч долларов, нынче цена возросла до 180 тысяч. Эти деньги, конечно, дают или вносят свою долю Министерство культуры РФ. Сколько надо денег театру в год? Полагаю, что, наверное, на нормальную жизнь МХАТу, кроме тех затрат, которые оплачивает Минкультуры РФ (на содержание здания, выплату минимальных окладов по штатному расписанию, охрану, коммунальные платежи), нужно 40—45 миллионов рублей в год с тем, чтобы выпускать три спектакля на основной и четыре спектакля на малой сцене. Когда появится новая, третья, совсем маленькая сцена на втором этаже музея, средств хватит на то, чтобы жить, что называется, достаточно здоровой жизнью.

— Всех потрясла информация о зарплате, которую получают Машкову в Голливуде. Он больше не будет работать у вас?

— Думаю, в Голливуде Машков будет стараться получать столько, сколько ему обещают и могут заплатить. В театре он будет получать столько, сколько мы сможем заплатить. Поскольку Володя соглашается на наши условия, полагаю, что у него есть, наверное, две шкалы ценностей. Одна — голливудская, другая — московская.

— Вам, наверное, трудно адекватно оплачивать труд ярких актеров?

— За моей спиной по меньшей мере десяток молодых талантливых людей, кроме того, я хочу пригласить из Саратова актера, с которым когда-то играл в одном драмкружке (он младше меня на пять лет), пять актеров из разных московских театров. Полагаю, все это может произойти либо с первого марта, либо с первого мая.

взгляд), творческий потенциал актера, объем работы, которую он выполнил. Думаю, что к концу года мы начнем сами зарабатывать.

— Не секрет, на чем?

— Не секрет. Предполагаются гастроли в Сургуте, надеюсь, кроме того, что мы (МХАТ и "подвал" — вместе) доедем до Нефтеюганска, до Нижневартовска, еще до каких-то нефтяных центров, покажем "Чайку", "Страсти по Бумбарашу", "Кабалу святош", "Сублимацию" и т.д.

— Вы надеетесь установить какую-то цену на билеты?

— Да, будет большая цена, потому что это регион, где люди регулярно получают заработную плату, для них деньги, которые они заплатят за билет, подъемны — утверждаю со знанием дела.

— А на каких условиях "друзья МХАТа" будут давать деньги и на что?

— Все друзья вносят равные доли в этом году. Не исключая, что ряды друзей пополнит еще кто-нибудь, не менее денежный. Мы сформулировали, как тратить эти деньги. С ноября прошлого года стали вывешивать "прозрачный" бюджет, который раньше был непрозрачным, а потому породил много вопросов. Бюджет по расходованию тех средств, что дадут нам наши друзья, тоже будет для всех прозрачен. Деньги пойдут на новые постановки. Это означает, что у нас появится возможность все сделать так, как считаем нужным, не подстраиваясь под жесткую схему бюджетного полутора миллионов рублей, выходить на то, что хотим. Допускаю, что какая-то постановка окажется дешевле, другая — дороже. Нам важно обновить материально-техническую базу театра. Кстати, уже порядка 60 с лишним тысяч долларов потратили на покупку современного светотехнического оборудования, причем не только для "Кабалы святош", — для нескольких спектаклей сразу.